

*Е. Н. Наземцева**

**От патриотизма к национализму:
антигерманские настроения подданных
Российской империи в Китае
периода Первой мировой войны**

Аннотация. В статье рассматриваются причины и особенности распространившихся в среде подданных Российской империи, проживавших во время Первой мировой войны в Китае, антигерманских настроений. Патриотический настрой первых месяцев войны сменился разочарованием от поражений русской армии на фронте и поиском виноватых. Это привело к формированию в широких массах русского общества как в Российской империи, так и за рубежом, в частности в Китае, антигерманских настроений, огульным обвинением сотрудников российских консульств, служащих российских предприятий в Китае, сотрудников КВЖД в шпионаже, германофильстве. Прежде всего под удар попадали служащие с немецкими фамилиями, затем — любые сотрудники даже с русскими фамилиями, замеченные в каких-либо случайных высказываниях по поводу военных действий или поступках, связанных с ними. Это осложняло осуществление российской внешней политики в регионе, наносило серьезный ущерб имиджу государства и представляющих его на территории иностранного государства служащих.

Ключевые слова: русская диаспора в Китае, Первая мировая война, консульства, этнофобия, антигерманские настроения

* *Наземцева Елена Николаевна*, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник отдела Китая Института востоковедения РАН (Москва), ведущий научный сотрудник отдела истории русского зарубежья Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына (Москва), nazemtsevaelena5535@gmail.com

**From Patriotism to Nationalism:
Anti-German Sentiments of Subjects of the
Russian Empire in China
During the First World War**

Abstract. The article examines the causes and features of the anti-German sentiments that spread among the subjects of the Russian Empire who lived in China during the First World War. The patriotic mood of the first months of the war was replaced by disappointment from the defeats of the Russian army at the front and the search for the guilty. This led to the formation of anti-German sentiments in the broad masses of Russian society both in the Russian Empire and abroad, particularly in China, and indiscriminate accusations of employees of Russian consulates, employees of Russian enterprises in China, employees of the Chinese Eastern Railway in espionage and Germanophilia. First of all, employees with German surnames were affected, then any employees, even with Russian surnames, noticed in any random statements about military actions or actions related to them. This complicated the implementation of Russian foreign policy in the region, caused serious damage to the image of the state and its employees representing it on the territory of a foreign state.

Keywords: Russian diaspora in China, World War I, consulates, ethnophobia, anti-German sentiments

Начало Первой мировой войны вызвало всплеск патриотических настроений и одновременно германофобии в странах Антанты. Патриотические шествия и демонстрации проходили в европейских государствах, Российской империи и США, несмотря на то что последние вступили в войну позже. Акции часто сопровождались многочисленными антинемецкими беспорядками и по-

** *Nazemtseva Elena Nikolaevna*, Dr. Hab. (History), Leading Research Associate, China Department, Institute of Oriental Studies RAS (Moscow); Leading Research Associate, Russian Abroad History Department, Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad (Moscow), nazemtsevaelena5535@gmail.com

громами. Самым известным из тех, что случились в Российской империи, был московский погром 26–28 мая 1915 г.¹ Однако вспышки и последующее развитие этнофобского «патриотизма» происходили на протяжении всей войны и не только в российских столицах, но и в провинции [Булдаков 2014, с. 83].

Проблеме антигерманских настроений уделяется значительное внимание в современной научной исторической литературе, как отечественной, так и зарубежной [Аксенов 2023; Алишина 2016; Булдаков 2014; Кириллов 2015; Кротт 2018; Лор 2012; Савинова 2007; Bailey 1984; DeWitt 2012; Kennedy 1980; Rüger 2011].

Антинемецкие настроения в среде русского общества имели место и за пределами Российской империи, в частности в Китае. Здесь к началу Первой мировой войны сформировалось довольно многочисленное сообщество русских подданных — сотрудников консульств, представителей духовенства, торговых и финансовых кругов, крестьянства. Основными центрами проживания выходцев из Российской империи в Китае являлись Маньчжурия с Харбином и многочисленным штатом сотрудников КВЖД, центры российско-китайской торговли — Ханькоу, Тяньцзинь, Шанхай, Кульджа, Кашгар, а также приграничные с Россией китайские территории Маньчжурии и Синьцзяна, где образовались поселения русских крестьян.

Как и в России, накануне объявления войны в среде русских подданных в Китае наблюдался всплеск патриотических настроений: в июле начались манифестации и шествия. Так, 18 (31) июля 1914 г. вечером в саду Железнодорожного собрания Харбина публично была устроена первая патриотическая манифестация. Манифестанты потребовали исполнения гимна и кричали «ура!». Но уже на другое утро — 19 июля (1 августа) — по городу были расклеены красные объявления о мобилизации. Подлежащие призыву запасные и ополченцы всех разрядов должны были в этот день явиться на призывные участки [АВП РИ, ф. 188, оп. 761, д. 1023, л. 53].

20 июля (2 августа) из сада Железнодорожного собрания по городу двинулась новая манифестация с национальными флагами, царскими портретами и пением. Манифестанты останавлива-

¹ 1–6 мая 1915 г. произошёл Горлицкий прорыв и началось «Великое отступление» русской армии.

лись перед домами начальствующих лиц КВЖД — помощников управляющего КВЖД генерал-лейтенанта М. Е. Афанасьева (1857–1936), князя С. Н. Хилкова (1866–1916) и начальника Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи генерал-лейтенанта А. А. Дмитриева (1860–1919), затем устроили овацию перед английским и французским консульствами. Несмотря на то, что был поздний час и все сотрудники консульств легли спать, одевшись, они вышли к манифестантам. Консул Великобритании в Харбине Г. Э. Слай (Henry Edward Sly) (1876–1932) показался на балконе и по-русски сказал: «Если будет война, то мы победим!» [АВП РИ, ф. 188, оп. 761, д. 1023, л. 57].

Эксцессов никаких не произошло, к германскому консульству процессия не была допущена². В то же время патриотизм уже начал смешиваться с антигерманизмом: на пристани р. Сунгари сорвали вывеску австрийской компании. Кроме того, с улиц Харбина практически сразу же исчезли такие вывески, как «Германский магазин», «Венский ресторан», у одного местного немца полиция потребовала убрать из окна выставленные картинки с изображением императора Вильгельма и германской армии, чтобы хозяину не начали бить стекла [АВП РИ, ф. 188, оп. 761, д. 1023, л. 57].

В этот же день, 20 июля (2 августа), германский консул в Харбине Гейнце³ прибыл лично к генералу Афанасьеву, сообщил, что спустил свой флаг, понимает необходимость покинуть Харбин «со всеми немцами», но просил, чтобы им дали время на сборы для отъезда из города. Вечером в тот же день Гейнце, по мнению российской стороны, «позволил себе непροстительную бестактность» прийти со своим вице-консулом на теннис как ни в чем не бывало, «смущая русских барышень разговорами и предложением с ними играть». Тогда присутствующие на игре мужчины громко выразили свое возмущение, и консул вынужден был уйти [АВП РИ, ф. 188, оп. 761, д. 1023, л. 55].

² В Харбине действовала китайская и русская полиция. Полицейский надзор принадлежал Обществу КВЖД и управляющему, но чины, несущие непосредственную полицейскую службу, подчинялись начальнику Заамурского округа, который подчинялся министру финансов и наместнику [Казанцев 2012].

³ Инициалы установить не удалось.

Возмущение русского общества привело к тому, что уже на следующий день на совещании в российском консульстве было решено от имени генерала М. Е. Афанасьева предложить Гейнце покинуть Харбин через 48 часов, то есть к 23 июля (5 августа), германским же подданным предложили оставить территорию КВЖД не позже 28 июля (10 августа). Гейнце ответил согласием и уведомил, что выедет на Чанчунь 長春 23-го июля (5 августа) и просил о свободном пропуске через станцию Куаньчэнцзы 寬城子. О предложении Управления КВЖД о выезде германских подданных из Харбина к 28 июля (10 августа) Гейнце сам оповестил последних объявлением в местной газете «Харбинский Вестник» на немецком языке. Никаких протестов германский консул не заявлял и даже выехал уже 22 июля (4 августа), то есть на один день раньше обещанного. Российский генеральный консул в Харбине В. В. Траутшольд (1877–1937) так описал последнюю встречу с германским консулом на харбинском вокзале: «Зная, что он поедет 23-го, я 22-го спокойно пошел на вокзал и не успел опомниться, как наткнулся на Гейнце, который протянул мне руку и извинился, что не был у меня с прощальным визитом» [АВП РИ, ф. 188, оп. 761, д. 1023, л. 56].

Накануне — 21 июля (3 августа) — в российском консульстве в Харбине «с восторгом и громадным воодушевлением» огласили манифест о войне, напутственные слова императора, сказанные в Зимнем дворце, правительственное сообщение по этому поводу. 22 июля (4 августа) после молебна в харбинском православном соборе по случаю так называемого «Царского дня»⁴ на площади перед собором состоялось торжественное молебствие о даровании победы русскому оружию. Собралось почти все российское население Харбина, прошли крестные ходы всех церквей, состоялся парад всего российского харбинского гарнизона. Как отмечал в своем донесении в МИД В. В. Траутшольд, «все было в высшей степени торжественно и трогательно» [АВП РИ, ф. 188, оп. 761, д. 1023, л. 58].

⁴ Царские дни — праздничные дни в Российской империи, которые были установлены в честь торжественных событий в жизни членов царской семьи.

Здесь же, перед собором генерал А. А. Дмитриев произнес патристическую речь, встал на колени перед царским портретом и обнажил саблю, а за ним то же сделали и все генералы и офицеры. По окончании торжества от Соборной площади по городу двинулась грандиозная манифестация с царскими портретами, флагами, оркестром и пением. Толпа следовала за манифестантами, которые также подошли к российскому генеральному консульству и прокричали: «Да здравствует русская дипломатия!». В. В. Траутшольд поблагодарил за овацию и провозгласил «Ура!» русскому воинству, выступающему на защиту Родины и императора, сказав, что «в стараниях предотвратить войну дипломатия исчерпала все средства, совместимые с достоинством и честью России». Затем манифестанты подошли к японскому консульству. Японцы были «страшно тронуты» и собирались ответить процессией с фонарями. Интересно, что во Владивостоке также прошла японская манифестация, в которой участвовали даже дети, которые махали русскими флажками. Моления о победе были затем совершены в Харбинском костеле, в синагоге и мечети в присутствии представителей администрации КВЖД. Так что, как отмечал Траутшольд в донесении в МИД, «единение всех русских подданных без различия вероисповедания и народности наблюдается и у нас» [АВП РИ, ф. 188, оп. 761, д. 1023, л. 58]. В то же время он вынужден был признать, что известие об объявлении войны всех в буквальном смысле ошеломило. В донесении от 30 июля 1914 г. в МИД он писал: «Великие события последних двух недель, когда над всей Европой показалось зарево кровавого пожара, не могли не взволновать и наш “международный” Харбин и отразиться⁵ на наших делах. Страшный гром неожиданно грянул, когда по случаю наступления жары и мертвого сезона харбинцы стали располагаться к летнему отдыху. Не так легко прийти в себя, опомниться после этого удара, понять весь ужас положения, представить себе все долженствующие и могущие произойти последствия от почти всемирной войны — для человечества вообще, для России, и наконец, для нас здесь на месте. Кажется, будто все на свете кувыркком полетело, что должна произойти полная переоценка ценностей. Кажется, что и дипломатия больше не нужна, раз всюду заговорили пушки и мирные сношения прерваны» [АВП РИ, ф. 188, оп. 761, д. 1023, л. 51].

⁵ Так в документе.

Патриотические шествия русских харбинцев напугали местное китайское население, посчитавшее, что эти акции направлены против них, как и в начале русско-японской войны, когда такие же манифестации кончались китайским погромом⁶. Напугали китайцев и слухи о возможной аннексии Маньчжурии вследствие войны и о прекращении платежей Русско-Азиатским банком, что вызвало панику и в буквальном смысле набег на банк за вкладами, однако последний, несмотря на сложную ситуацию, смог удовлетворить все требования о выдаче вкладов. В то же время Первое Харбинское общество взаимного кредита оказалось в критическом положении, не обеспечив выдачи всех требуемых кредитов. Его руководство обратилось к генералу Афанасьеву с просьбой расклеить по городу обращение к китайскому населению, чтобы оно успокоилось и мирно продолжало свои занятия, так как ему ничего не угрожало. Объявление это было расклеено и, по оценке китайских властей, произвело «отличное впечатление». Затем Цицикарскому губернатору был дан совет принять меры к поддержанию спокойствия и добрососедства в пределах Хэйлунцзянской провинции, предписать военным и гражданским властям соблюдать осторожность, чтобы не возбуждать недоверия русских, воздержаться от маневров, передвижений войск, приближения таковых к линии КВЖД и т.д., что и было сделано [АВП РИ, ф. 188, оп. 761, д. 1023, л. 59].

25 июля (7 августа) в Харбине узнали об объявлении Австро-Венгрии войны Российской империи. Австрийского консульства в Харбине не было, а австрийским подданным генерал Афа-

⁶ Патриотические манифестации имели место практически по всему дальневосточному региону, но проводились только в первые два-три месяца русско-японской войны. Подробнее см. [Воробьева 2009, С. 17]. Вероятно, в этот период в памяти русского населения еще были свежи воспоминания о боксерском восстании начала XX в., и начало войны с Японией всколыхнуло «ура-патриотические» настроения, которые выливались в погромы всех представителей азиатского населения Харбина. Кроме того, в конце 1904 г. японские военные власти начали в широких масштабах вербовать хунхузов, формировали из них отряды, снабжали оружием и т.д. Следует отметить, что русские военные затем переняли эту практику и также активно вербовали хунхузов. Подробнее см. [Вишняков 2006]. Китайское население помнило об этих событиях, и возможность их повторения вызывала у них опасения.

насьев также объявил, что они должны оставить территорию КВЖД к 1-му (14) августа. В городе появились слухи о том, что германские и австрийские подданные намеревались переселиться в Фуцзянь 傅家甸, а некоторые — 59 семей — уже переехали. Однако китайская сторона опровергла это, ссылаясь на то, что Фуцзянь не открыт [АВП РИ, ф. 188, оп. 761, д. 1023, л. 60].

Австрийских подданных в Харбине было немного. Собственно, из австрийских подданных был всего один человек — некий Позарь, заведующий делами Британской экспортной компании. Он покинул Харбин сразу же после объявления войны. Большинство же австрийских подданных были чехи и славяне — служащие КВЖД. 90 человек из них практически сразу подали прошение о принятии их в русское подданство, КВЖД решила запросить о них Правление, дав о 78 благоприятный, а об остальных неблагоприятный отзыв. Проживавшие в Харбине подданные Германской империи не стремились покинуть свои насиженные места. Только один резервист попытался бежать, выехав на лошади за город, но вернулся, так как не мог переправиться через р. Сунгари. Другие сдавались российским властям «с удовольствием» и благодарили, как, например, братья Брублевские. Многие осаждали генерала Афанасьева и самого Траутшольда прошениями, чтобы под тем или другим предлогом остаться здесь. Так, например, нештатный голландский консул — германский резервист Шиль — хотел остаться в Харбине как иностранный консул и просил, чтобы ему выдали удостоверение в том, что в случае выезда он был бы арестован. На замечание со стороны российского консульства, что он плохой патриот, он ответил, что для Германии его присутствие в Харбине полезнее, чем в рядах армии [АВП РИ, ф. 188, оп. 761, д. 1023, л. 61]. В. В. Траутшольд предложил ему снестись с голландской миссией по телеграфу, чтобы с него сложили обязанности консула или вызвали в Пекин, но он отказался это делать, обещав только «как-нибудь при случае написать». Тогда российский консул сам послал телеграмму в Пекин через 1-го секретаря российской миссии в Пекине В. В. Граве (1880–1930), и голландский посланник приказал Шиллю сдать консульство вице-комиссару таможи голландцу Фергюссону. Другие немцы собирались отправиться во Владивосток, где комендант крепости согласился оставить кое-кого из мирных гер-

манцев⁷. Сам В. В. Траутшольд считал, что «КВЖД как русская стратегическая линия, идущая по чужой территории», находилась в исключительных условиях, которые требовали особых мер, «оправдываемых необходимостью самосохранения». Полоса отчуждения КВЖД должна была, по его мнению, рассматриваться как русская территория, «притом как одно из самых уязвимых мест этой территории». Благонадежным и невоеннообязанным германцам и австрийцам было разрешено оставаться в России, но «только в безопасных местах и под защитой русского закона и с подчинением последнему». В Харбине же из-за КВЖД «было бы крайне опасно оставить здесь хотя бы одного экстерриториального неприятеля, особенно при нейтралитете Китая и Америки, которой наши враги могут передать защиту их подданных в районе КВЖД», поэтому подданные враждебных России государств должны были, по мнению консула, покинуть территорию КВЖД и полосу отчуждения [АВП РИ, ф. 188, оп. 761, д. 1023, л. 62].

Таким образом, антигерманские настроения в Маньчжурии начали проявляться практически сразу же после начала войны. Однако в 1914 г. они не перерастали в погромы, масштабные акции или политические процессы против подданных Германской

⁷ К началу войны правовой статус подданных Германии и Австро-Венгрии регулировался Законом о состояниях, определявшим порядок пребывания иностранцев на территории Российской империи. После начала войны граждан государств, вступивших в противоборство с Российской империей, именовали «неприятельскими подданными». Их положение регулировал указ Николая II «О правилах, коими Россия будет руководствоваться во время войны 1914 года» от 28 июля 1914 г. Местным властям предписывалось «задержать подданных неприятельских государств, как состоящих на действительной военной службе, так и подлежащих призыву, в качестве военнопленных». Также местные власти получили право высылать подданных государств-противников «как из пределов России, так и из пределов отдельных ея местностей, а равно подвергать их задержанию и водворению в другие губернии и области». Германские и австрийские подданные перешли под контроль российской полиции. Часто губернские администрации решали вопросы о высылках самостоятельно в обход военных властей и Министерства внутренних дел. В первые месяцы войны граждане Германии и Австро-Венгрии могли быть как высланными вглубь Российской империи, так и остаться на прежнем месте жительства. Подробнее см. [Бахтурина 2020].

империи или Австро-Венгрии. Кроме того, они были сосредоточены в городах, прежде всего в Харбине, и не затронули приграничные крестьянские поселения, так как в последних представителей Германской или Австрийской империй не было. Русских же подданных немецкого происхождения были единицы.

В других районах Китая первоначально обстановка была спокойной. Так, российский консул в Кантоне А. Т. Бельченко (1873–1958) 29 июля 1914 г. сообщал российскому поверенному в делах в Пекине, что в городе «несмотря на открытие военных действий отношения между всеми нами продолжают оставаться дружескими: иначе невозможно было бы жить на столь незначительном островке, как Шамянь [沙面]»⁸ [АВП РИ, ф. 143, оп. 491, д. 404, л. 221].

Но уже осенью 1914 г. настроения поменялись. В октябре генеральный консул Великобритании в Кантоне Г. Г. Фокс (H. H. Fox) предложил британскому посланнику в Пекине Дж. Джордану (John Newell Jordan) (1852–1925) выселить германского консула В. Рёслера (Walter Rößler) (1871–1929) и весь состав германского консульства с о. Шамянь «ввиду вредной деятельности германского консула в Кантоне, направленной против союзников». Однако Джордан посчитал этот вопрос «слишком сложным и предпочел оставить его» [АВП РИ, ф. 143, оп. 491, д. 404, л. 553].

В то же время иногда имели место провокации и со стороны самих германских подданных. Так, по сведениям того же Бельченко, германские подданные в германском клубе Гонконга якобы «позволили себе плевать на великобританский флаг, пытались отравить воду и заложить изготовленные ими мины в гавани Гонконга и Сватоу». Разумеется, это явное преувеличение, однако 13(26) октября 1914 г. все же последовало распоряжение гонконгского правительства об удалении из колонии германских и австрийских подданных. Германские подданные, проживающие на о. Шамянь, боялись, что им придется покинуть остров, так как они опасались за свои товары в складах, которые могли быть секвестированы правительством Великобритании. Поэтому боль-

⁸ Остров Шамянь — с 1859 по 1946 гг. местонахождение концессии Великобритании и Франции. Также там располагались консульства и другие дипломатические представительства иностранных государств в Гуанчжоу. В настоящее время — уличный комитет в составе района Ливань 荔湾 города Гуанчжоу провинции Гуандун.

шинство германцев еще накануне приказа об их удалении вывезли свои товары в китайскую часть города и переселились туда, закрыв свои дома на острове. Сам же консул В. Рёсслер (Walter Rößler) продолжал оставаться на Шамяне, но был готов уехать в любой момент [АВП РИ, ф. 143, оп. 491, д. 404, л. 533].

В Ханькоу 漢口 первое время после начала войны также было спокойно. По сообщению от 11 мая 1915 г. секретаря российского консульства Н. А. Иванова (1884–1941), «настроение местной иностранной колонии, подданных союзных держав по отношению к германской колонии было до самого последнего времени довольно мирно. Германцы продолжали поддерживать, насколько было возможно, свои как деловые, так и личные отношения с членами русской, английской, французской и других дружественных нам иностранных колоний в Ханькоу» [АВП РИ, ф. 143, оп. 491, д. 388, л. 181].

Однако после получения известия о потоплении германцами парохода «Лузитания»⁹ и сведений о применении последними на войне удушливых газов, отношение к германской колонии сразу изменилось. Газетой «North China Daily Mail» (издатель газеты — ирландец Р. Бэйт (R. Bate) (1880 – ?)), издававшейся в Тяньцзине и потом передававшейся в Шанхай, была начата кампания против германских подданных в Китае вообще. Это отразилось и на ситуации в Ханькоу. Французский клуб «Circle Gaulois» исключил германцев из состава клуба. Затем раздражение колонии подданных союзных держав проявилось после появления в местной английской газете «Central China Post» от 14 апреля (1 мая) 1915 г. анонимного письма «The True Spirit of German Kultur» («Истинный дух немецкой культуры»), подписанного «A. German». В статье отмечалось превосходство немецкой культуры. Опубликование письма встревожило даже германскую колонию. Последняя в лице ее главных представителей поспешила в номере этой же газеты от 17 апреля (4 мая) заявить, что не имеет отношения к публикации и не знает автора [АВП РИ, ф. 143, оп. 491, д. 388, л. 181].

⁹ Лузитания — британский пассажирский лайнер, потопленный германской подводной лодкой «U-20» 7 мая 1915 г. у побережья Ирландии. Гибель 1138 пассажиров вызвала протесты нейтральных государств (в первую очередь США) и вынудила Германию ограничить действия своих подводных сил.

В то же время издающаяся на английском языке немецкая газета «The Hankow Daily News», обеспокоенная антигерманским движением в Китае и в особенности в Тяньцзине, в передовой статье от 17 апреля (4 мая) под заглавием «An Appeal» («Апелляция») писала: «Поэтому мы взываем к здравому смыслу всего международного сообщества в Ханькоу: пусть каждый из нас постарается сохранить контроль над собой в словах и делах. Самые жестокие меры не приведут к захвату ни одной траншеи [на фронте] и получению ни малейшей пользы дома. Пусть каждый из нас служит своей стране в меру своих возможностей, но давайте воздержимся от истерии и глупых мер. Пусть каждый из нас продемонстрирует своим врагам преимущество добросовестности и позволит нам вести себя так, чтобы, когда война закончится и страсти снова утихнут, мы смогли сохранить самоуважение и не были вынуждены закрывать лица от стыда за собственное поведение. Это наше обращение к Ханькоу, и мы надеемся, что оно не будет напрасным» [АВП РИ, ф. 143, оп. 491, д. 388, л. 182].

Между тем анонимный автор, подписавшийся в следующий раз «A. Real German» («Настоящий немец») в письме на немецком языке на имя великобританского консула Фокса (H. H. Fox) обвинил последнего в том, что именно он автор первого анонимного письма «The True Spirit of German Kultur», что Фокс не замедлил опровергнуть [АВП РИ, ф. 143, оп. 491, д. 388, л. 182]. Тогда проживавшие в Ханькоу члены немецкой колонии заявили о своём несогласии с автором и поставили себе задачу разыскать его; им после произведенных поисков оказался один из служащих германской фирмы «Мельхерс и К°». По настоянию немецкой же колонии он должен был 6 (19) мая 1915 г. покинуть Ханькоу [АВП РИ, ф. 143, оп. 491, д. 388, л. 183].

Естественно, что все происшедшее не могло не подействовать на проживавших в Ханькоу подданных союзных держав и заставило их принять те или другие меры воздействия на представителей Германии. Ханькоуский клуб (Hankow Club), который считался международным, постановил исключить их из своих членов. Многие германские подданные ушли из клуба сами в начале войны, а оставшиеся очень редко посещали его. Кроме того, постоянно велись переговоры об исключении членов-германцев из состава других клубов, например из «Hankow Race

Club and Recreation Ground» («Гоночный клуб и место для отдыха Ханькоу»), в котором были наиболее всего заинтересованы активно занимающиеся спортом германцы. Как отмечал секретарь российского консульства в Ханькоу Н. А. Иванов, «не осталось безучастным к антигерманскому движению и здешнее русское общество. Двенадцать русских членов Русского клуба после появления в печати первого письма подали заявление о необходимости исключения из состава клуба членов-германцев» [АВП РИ, ф. 143, оп. 491, д. 388, л. 182].

Вопрос об исключении германских подданных из Русского клуба возникал не впервые. В первый раз он был поднят в начале войны членом клуба и российским консулом А. Н. Тимченко-Островерховым (1863–1920). Но тогда этот вопрос не был решен, и в 1915 г. Островерхов покинул клуб в знак протеста против отказа руководства клуба от исключения из его членов-немцев. Последние являлись сотрудниками немецкой фирмы «Карловиц и К^о», представлявшей в Китае заводы Круппа [Газ. «Новое время» 1915, 29 марта (11 апреля), №14025, с. 6]. Уход Островерхова из клуба был отмечен корреспондентом издававшейся в Петербурге газеты «Новое время» в статье «Германцы на Дальнем Востоке» в номере от 29 марта 1915 г. В своей статье он упрекнул русскую колонию в Ханькоу за то, что «русскому генеральному консулу в Ханькоу, — этом центре русской торговой деятельности в Китае, на русской концессии, по справедливости считаемой гордостью России на Дальнем Востоке, объекте особого внимания русского правительства, вложившего в последние годы во время революции не один миллион на охрану ее, — в этом Ханькоу русскому официальному представителю пришлось уйти из русского клуба из-за нежелания последнего изгнать из своей среды немцев» [Газ. «Новое время», 1915, 29 марта (11 апреля), №14025, с. 5–6].

В то же время отношение немцев к русской колонии продолжало оставаться корректным: состоящие членами Русского клуба в Ханькоу около десяти немцев исправно платили месячные членские взносы и почти не посещали его [АВП РИ, ф. 143, оп. 491, д. 388, л. 183].

Н. А. Иванов, анализируя антигерманскую кампанию в Ханькоу, приходил к выводу, что «следя за антигерманским движением в Ханькоу и в Китае вообще, я должен сказать, что, ограничиваясь

одним лишь исключением или просьбою о временном прекращении посещения германцами тех или других клубов, оно, принимая нередко уродливые формы, не имеет никакой реальной пользы». Более того, нередко случалось то, что «лицо, числящееся по имени германским подданным», совсем не имело никакого отношения к Германии. Так случилось, например, с помощником таможенного комиссара в Ханькоу г. Ханишем, не являвшимся немцем по происхождению, но вынужденным оставить клуб. Часто бывало и так, что «германец по происхождению, сделавшийся великобританским подданным и во время войны превратившийся в ярого германофила, спокойно оставался членом клуба». Кроме того, настаивая на исключении германцев, владельцы клубов — в большинстве случаев управляющие банками или представители больших фирм — продолжали тем не менее вести торговые дела с ними, и финансовое положение германских фирм в Ханькоу, «несмотря на все невзгоды войны», оставалось прочным. Например, продолжал вести дела с германскими подданными Гонконг-Шанхайский банк. Владельцы домов — англичане, французы или русские — не отказывали в квартирах живущим в них немцам и т. д. [АВП РИ, ф. 143, оп. 491, д. 388, л. 183].

С развитием военных действий и ростом неудач русской армии на фронтах Первой мировой войны в 1915 г. антигерманские настроения стали все больше захватывать широкие массы населения как, собственно, в Российской империи, так и среде русских подданных, проживавших в Китае. Наиболее ярко это проявилось в Харбине, где число русских было большим по сравнению с другими центрами расселения. Всплеск германофобии особенно ярко проявился в конце 1915 г. во время громкого дела в Харбине — ареста полицейского врача, российского подданного, выходца из семьи прибалтийских немцев, барона Р. А. Будберга (1867–1926)¹⁰ и целого ряда других русских подданных, в том числе сотрудников КВЖД и консульств.

¹⁰ Полное имя — Рожер Александрович Беннингхаузен-Будберг. По окончании в 1895 г. Юрьевского университета прошел специализацию по акушерству и гинекологии и публиковал научные статьи в русских и немецких медицинских журналах по вопросам хирургии и акушерства. После Русско-японской войны Р. А. Будберг 20 лет проработал в Харбине, находясь на службе на КВЖД. Был женат на китайке, знал китайский

Барон Будберг был арестован 16 октября 1915 г. и под конвоем отправлен на гауптвахту в Харбине. В предисловии к его мемуарам от лица редакции так описывается его арест: «16 октября 1915 года его арестовали и под конвоем солдат дружинников повели пешком, как арестанта, по главным улицам Харбина, как бы на показ многочисленной публике. Он еще не был ни в чем обвинен, а по служебному рангу военной службы, мог быть отправлен на гауптвахту только в сопровождении офицера. Сколько мелочной злобы или служебной небрежности кроется в этом поступке... Да можно ли видеть только небрежность? По дороге встретился комендант и вместо распоряжения применить законный порядок сам на глазах многочисленной публики усилил глумление. Что должен был чувствовать впечатлительный человек, гордившийся своим безупречным аристократическим именем?...» [Бенингсгаузен-Будберг 1925, с. VI].

В. В. Траутшольд писал о Будберге: «Доктор Будберг слыл за большого оригинала, женат на китаянке и жил по-китайски. Тип во всяком случае подозрительный и грязенький. Рассказывают, что при обыске у него нашли много опиума». Его арест, а также аресты аптекаря Томсена, раввина Киселева и других лиц произвели «большую сенсацию в городе» [АВП РИ, ф. 143, оп. 491, д. 218, л. 334].

Барон Будберг действительно был известной личностью в Харбине, уважал и любил китайскую культуру, часто ходил

язык. Выступал за уважительное отношение к обычаям и традициям китайского населения. В 1921 г. был назначен главным врачом харбинского полицейского управления с предоставлением ему права производства врачебной инспекции. Однако из-за разногласий с китайскими властями покинул этот пост, но остался тюремным врачом Харбина. В ноябре 1925 г. был уволен с должности тюремного врача. После увольнения со службы у Р.А. Будберга обострилась бронхиальная астма и болезни сердца. Летом 1926 г. в течение двух месяцев находился на курорте Аршан в горах Хингана, где не только получал лечение, но и изучал методы врачевания монгольских лам. По возвращении с курорта 24 августа 1926 г. у Р.А. Будберга случился сердечный приступ. На следующий день он скончался. На похоронах его провожала тысячная толпа. Как писала харбинская пресса, на кладбище он был отпет по лютеранскому обряду, при молитвословии по обряду православному и затем буддийским духовенством — по буддийскому. Подробнее см. [Ратманов, Лю, Чжан, Чурилов 2019].

в китайском костюме, увлекался конфуцианством, был принципиальным и бескомпромиссным человеком. Он никогда не скрывал своего происхождения и часто даже подчеркивал преимущество немецкого воспитания и образования. Не смог он отказаться от своих взглядов и во время войны и публично высказывал свое мнение по её поводу, «насилуя вполне естественное чувство отвращения к взаимному истреблению двух наций, из которых одна ему близка по месту рождения и преданности царствующей династии, а другая по крови и воспитанию» [Бенингсгаузен-Будберг 1925, с. VI].

По данным дальневосточного исследователя Д. В. Киселева, Р. А. Будбергу приписывали скупку в Хайларе шерсти для германских нужд, владение пароходом «Харбин», на котором в самый канун арестов убыли в неизвестном направлении двое «подозрительных немцев», считавшихся беглыми военнопленными, а также общение с немцами, которые «часто приезжали из других уголков Маньчжурии». Упоминавшиеся двое военнопленных якобы были переправлены Будбергом при помощи немца Стефлера — сотрудника германской хлеботорговой компании «Нюмань янхан», также владевшего фирмой «Дэмаотан» и являвшегося доверенным лицом германского консула в Мукдене [Киселев 2015, с. 130].

Несколько иную трактовку делу Р. А. Будберга, основываясь на документах Государственного архива Иркутской области, дали В. В. Синиченко и С. М. Белозерцев. Согласно их материалам, в октябре 1915 г. в Харбине была раскрыта организация, оказывавшая содействие побегам немецких и австрийских военнопленных, которые следовали по КВЖД во Владивосток. Была установлена причастность к ней германского консульства в Шанхае и американского консульства в Харбине. По этому делу в Харбине были арестованы и привлечены к формальному дознанию в качестве обвиняемых по 108-й статье Уголовного уложения¹¹ врач Р. А. Будберг, раввин

¹¹ Статья 108 «Уголовного уложения» 1903 г. — «О государственной измене» — предусматривала наказание бессрочной каторгой или смертную казнь для российского подданного, виновного «в способствовании или благоприятствовании неприятелю в его военных или иных враждебных против России действиях». Уголовное уложение 1903 г. — последний по времени принятия фундаментальный законодательный акт Российской империи в

А. Киселев, мещанин Г. Линский, мещанка Р. Гусак и содержатель аптеки Л. Томсон [Синиченко, Белозерцев 2022, с. 1215].

Все они были арестованы по показаниям военнопленного К. Шольца, бежавшего из плена в Сибири и направлявшегося в Харбин. Ему оказывала помощь еврейская община и некий М. А. Шляхтин, представившийся Шольцу как дезертир русской службы. Шольц и Шляхтин были приняты в Харбине американским консулом Ч. К. Мозером (Charles Kroth Moser) (1877–1968), от которого Шольц получил деньги на паспорт для выезда из Харбина. Однако затем Шольц был арестован по донесению Шляхтина помощнику начальника Отдельного железнодорожного полицейского управления КВЖД ротмистру А. М. Бокастову (1878 – после 1945?). Сам Шляхтин оказался секретным сотрудником жандармского управления и фактическим провокатором. Он действовал при помощи своего же сотрудника А. Эструпа [Синиченко, Белозерцев 2022, с. 1217].

По данным авторов публикации, именно Мозер указал Шольцу и Шляхтину на Р. А. Будберга, который якобы оказывал помощь германским военнопленным, бежавшим из России, и именно Мозер написал фамилию врача на клочке бумаги, которая затем оказалась уликой. Однако до Будберга ни Шольц, ни Эструп не дошли. Получив записку, Эструп отправился к ротмистру Бокастову и подробно рассказал ему обо всем случившемся, предъявив записки Мозера. На другой день Эструп явился к консулу Мозеру, предъявил ему выданный Бокастовым паспорт и сказал, что был у Будберга и получил этот паспорт от него [Синиченко, Белозерцев 2022, с. 1217].

Из представленных в статье указанных авторов непонятна роль, собственно, врача Будберга. Она проясняется из материалов российского консульства в Маньчжурии, отложившихся в АВП РИ, мемуаров самого барона и документах, опубликованных в мемуарах. Из них следует, что в деле Будберга действительно был замешан американский консул Ч. К. Мозер, «снабжавший пленных деньгами за счет германского правительства». Как сообщал в Петроград В. В. Траутшольд, американский консул владел благотворительным фондом, защищавшим интересы германцев. Фонд предна-

области материального уголовного права. Утверждено Николаем II 22 марта 1903 г. [Новое уголовное уложение 1903, с. 46].

значался для нуждающихся германцев, находившихся на свободе, или для пленных [АВП РИ, ф. 143, оп. 491, д. 218, л. 335].

Барон Будберг был известен своей активной борьбой против торговли опиумом и морфием: «Он боролся и словом, и донесениями, и при помощи столичной печати; но приобрел только массу врагов и нелепое обвинение в той же самой торговле, на борьбу с которой тратил свои последние силы» [Бенингсгаузен-Будберг 1925, с. V]. Это также могло сыграть роль в деле барона и доносах на него со стороны администрации.

В поддержку барона Р. А. Будберга выступил управляющий КВЖД генерал-лейтенант Д. Л. Хорват. В частности, в беседе с Траутшольдом Хорват «жаловался на переживаемое нами нервное время, когда всех охватило стадное чувство шпиономании, и возмущался, что на этой нездоровой почве люди хотят отличиться или свести личные счета» [АВП РИ, ф. 143, оп. 491, д. 218, л. 346]. О самом Будберге Хорват отзывался положительно, так как знал его «как простого, доброго и честного человека» и поэтому считал его «невинной жертвой такого массового психоза». По мнению Д. Л. Хорвата, все обвинение против барона основывалось на ряде недоказанных слухов: 1) на сообщении посланника об упоминании о докторе в Харбине с немецкой фамилией, помогающем беглым пленным; 2) на показании харбинского сыщика Эструпа, который, явившись к Мозеру под видом беглого пленного, получил от него адрес Будберга, написанный Мозером на листке блокнота, и 3) на найденной переписке, из которой видно, что Будберг кому-то переслал деньги в Австрию. Анализируя ситуацию, Траутшольд согласился с Хорватом, что обвинение врача — это провокаторский прием, к которому сочла нужным прибегнуть жандармская полиция в деле против американского консула. Российские же официальные власти — консул, находившийся здесь прокурор и администрация — не были поставлены в известность о данном деле и его истинной цели. В итоге это создало «в высшей степени нежелательный и опасный прецедент» в Харбине, где, по мнению консульства, необходимо было особенно тщательно соблюдать осторожность, чтобы не накалять ситуации и не провоцировать лишние проблемы. Строить же главное обвинение против уважаемого человека на данной провокации «было бы весьма странно» [АВП РИ, ф. 143, оп. 491, д. 218, л. 347]. Позже сам Мозер сознался, что дал адрес доктора просто так

«сдуру», не желая вовсе указать на человека, который помогает беглым пленным [АВП РИ, ф. 143, оп. 491, д. 218, л. 348]. В. В. Траутшольд также был вызван следователем по особо важным делам Иркутского окружного суда М. М. Стразовым в качестве свидетеля по делу Р. А. Будберга [АВП РИ, ф. 143, оп. 491, д. 218, л. 412].

В ходе следствия Будберг сознался, что у него был один беглый пленный. Кроме того, при обыске его квартиры было найдено письмо матери барона, упрекавшей сына за неосторожность по поводу какого-то письма. В Риге у матери Будберга также провели обыск. Сам же Будберг на допросе упомянул о том, что и Хорват, и генерал Афанасьев предупреждали его «чтобы он был начеку и держал язык за зубами, так как жандармы и прокурор собираются его провоцировать». Предвидя обыск, он написал нарочно на листе бумаги, что всей душой ненавидит русских, и положил лист под жертвенник. Ведущий это дело следователь М. М. Стразов считал, что Будберг был предупрежден полицмейстером Р. А. фон Арнольдом, который был дружен с бароном, последний же не успел уничтожить все компрометирующее его. Стразова раздражало поведение Хорвата в этом деле, и он жаловался на положение здесь жандармов, которые в России подчинены министру внутренних дел, а здесь должны считаться с главным начальствующим и управляющим КВЖД [АВП РИ, ф. 143, оп. 491, д. 218, л. 415–416].

Д. Л. Хорват со своей стороны крайне неодобрительно отзывался о следователе, о прокуроре и о жандармах, говорил, что Будберга он к себе не вызывал и ни о чем не предупреждал. Прокурор требовал у Хорвата предать Будберга военному суду, но управляющий КВЖД категорически отказался от этого и вообще был «страшно возмущен всем, что здесь происходит вокруг дела Будберга» [АВП РИ, ф. 143, оп. 491, д. 218, л. 417].

В тюрьме барона Будберга продержали 13 месяцев. Пребывание в камере «с жгучим ощущением несправедливости», следствие и общая обстановка оставили глубокий след в его жизни [Бенингсгаузен-Будберг 1925, с. VII]. Моральные и физические пытки, унижения, сознание несправедливости довели врача до попытки самоубийства, не реализованной из-за его физического истощения [Там же, с. 55].

Сам барон Будберг считал, что его именем и популярностью в Харбине воспользовались, «чтобы создать громкое дело», чему поспособствовала и его женитьба на китайке, так как это раздражало многих представителей русской колонии. В итоге была создана целая цепь «провокаторских интриг и подтасовок фактов» [Бенингсгаузен-Будберг 1925, с. 4]. В мемуарах он обвинял многих известных личностей Харбина (прокурора Сульжикова, начальника штаба Харбина полковника Баранова, ротмистра Бокастова), а также некоторых из своего ближайшего окружения (фельдшера В. Я. Горстина, служащего Шпек и др.). Из мемуаров барона следует, что понадобилось все влияние генерала Хорвата для того, чтобы дело пересмотрели и сняли все обвинения [Бенингсгаузен-Будберг 1925, с. 60].

Последствием ареста Будберга и других фигурантов данного дела стало, как отмечал В. В. Траутшольд, «усилившееся волнение умов харбинских обывателей и появление новых диких и нелепых слухов». Например, ситуацию в городе накалила публикация в газете «Новое время» 4 октября 1915 г. так называемого «вопля анонимного харбинца о здешних засильях» [АВП РИ, ф. 143, оп. 491, д. 218, л. 335]. В ней инженер путей сообщения, товарищ председателя правления Общества Китайско-Восточной железной дороги А. Н. Вентцель (1854–1927) обвинялся в том, что «на пост помощника управляющего дорогой назначил брата германского посланника Гинце» П. фон Гинце (Paul von Hintze) — Гинце¹², который «в угоду немцам устраивает крушения поездов»; и далее в статье упоминались все немецкие фамилии в Харбине [Там же].

Напуганный антинемецкими настроениями, распространившимися на КВЖД и в Харбине, инженер А. К. Гинце, с 1906 г. служивший на КВЖД, разослал в редакции харбинских газет письма о том, что он не брат германского посланника, не «фон», а православный, а газета «Железнодорожная жизнь» прибавила еще его подробную биографию, из которой было видно, что сыновья и дочери Гинце женаты и замужем все за

¹² Речь идет о германском посланнике в Китае в 1914–1917 гг. П. фон Гинце (Paul von Hintze) (1884–1941) и начальнике службы эксплуатации КВЖД, председателе Общества русских ориенталистов в Харбине инженере А. К. Гинце (1886–1917). Летом 1915 г. он был назначен помощником управляющего КВЖД по железнодорожной части [Гинце 2014, с. 318].

русскими и православными [Хисамутдинов 2021, с. 325-331, АВП РИ, ф. 143, оп. 491, д. 218, л. 336]. Дошло до того, что управление КВЖД выдало А. К. Гинце удостоверение о том, что он сын офицера русской службы, родился в Гельсингфорсе, там же был крещен в православной русской церкви [Гинце 2014, с. 378].

В. В. Траутшольд не одобрил данный шаг, считая, что не следует оправдываться перед какой-то непонятной статьей в газете. Но в статье был упомянут и сам российский генконсул, который якобы «кисло отнесся» к местной манифестации по случаю взятия Перемышля, а также «к лекции князя Кудашева о германских зверствах». По словам Траутшольда, во время проводившейся в Харбине манифестации он поздравил манифестантов с блестящей победой русского оружия и провозгласил «ура» «доблестной русской армии и ее Верховному Вождю — Государю императору», затем выслушал гимн и удалился только тогда, когда манифестация скрылась. Лекцию же российского посланника в Пекине князя Н. А. Кудашева он «с интересом и не скандаля выслушал до конца». Разумеется, консул доказывал, что в Харбине нет и не было никакой «клики» немцев [АВП РИ, ф. 143, оп. 491, д. 218, л. 336]. Траутшольд был огорчен подобными нападкамии с горечью писал: «Понятно, времена уж такие, что волей-неволей придется служить мишенью для подобных выпадов, но все-таки обидно то, что вокруг иностранной фамилии, даже не немецкой, создаются легенды, которым охотно верят, а на фактическую деятельность таких лиц публика не обращает внимания» [АВП РИ, ф. 143, оп. 491, д. 218, л. 337].

Кроме того, генерального консула начали преследовать местные черносотенцы, от которых он получил по почте анонимную угрозу с черным крестом, в которой говорилось об их намерении его избить [АВП РИ, ф. 143, оп. 491, д. 218, л. 350].

Ситуацию еще более накалило то, что в Харбине стали появляться германские подданные, высланные из внутренних местностей России. Харбин назначался для них предписанным местом жительства. Генерал-лейтенант М. Е. Афанасьев поднял вопрос о прекращении таких высылки и отправлял их обратно [АВП РИ, ф. 143, оп. 491, д. 218, л. 339].

В сентябре 1915 г. состоялось заседание Особого совета при управляющем КВЖД¹³ по вопросу о выселении из Маньчжурии за германофильство инженера Адольфа Юлиуса-Иосифа Генриховича Вишняковского (1878–1941). Председатель и прокурор Пограничного окружного суда высказались за выселение, генерал Д. Л. Хорват, заместитель генерала Афанасьева начальник Земельного отдела М. К. Кокшаров (?–1918) и сам консул В. В. Траутшольд напротив не видели оснований для выселения. Журнал этого заседания так и не был подписан, так как прокурор соби-рался изложить свое особое мнение, а председатель суда, усомнившись, имели ли вообще право обсуждать вопрос о выселе-нии лица, состоящего на государственной службе, запросил об этом председателя Иркутской судебной палаты — сенатора Н. П. Еракова (1853/1854–1923), который дал отзыв, что заседа-ние было неправомочно [АВП РИ, ф. 143, оп. 491, д. 218, л. 407].

Интересно, что инициатива с вынесением данного вопроса на повестку дня заседания Особого совета принадлежала Д. Л. Хорвату, но цели были иными — прекратить травлю на почве германофобии. После завершения этого дела Хорват признался Траутшольду, что он был уверен, что это дело «с треском провалится», но таким образом хотел «раз навсегда отбить охоту у жандармов увлекаться подобной бессмысленной травлей». После заседания генерал Хорват преду-предил Траутшольда, что жандармы будут жаловаться на него и что они не оставят без внимания, тот факт, что «перевес заседания дал голос консула с нерусской фамилией». Так и случилось: жандармы пожаловались своему шефу и в результате А. Н. Вентцель перед своим отъездом в Петроград получил телеграмму от министра фи-нансов П. Л. Барка (1869–1937), сообщавшего, что министр внут-ренних дел А. Н. Хвостов (1872–1918) обратился к нему с требова-

¹³ Особый совет при управляющем КВЖД создавался как орган, полномочный решать вопросы в отношении иностранных подданных, проживавших в пределах полосы отчуждения, и координировать дея-тельность российских органов власти, созданных на территории КВЖД в процессе реализации концессионного соглашения и освоения Мань-чжурии. Учрежден в 1910 г. В Совет входили управляющий дорогой, помощник по гражданской части, российский императорский генераль-ный консул в Харбине, председатель и прокурор Пограничного окруж-ного суда [Казанцев 2015, с. 36; Куликова 2007, с. 73].

нием отменить решение Особого совета, уволить инженера Вишняковского и передать вопрос на вторичное рассмотрение Особого совета, не приглашая, однако, на заседание В. В. Траутшольда [АВП РИ, ф. 143, оп. 491, д. 218, л. 408].

А. Н. Вентцеля эта телеграмма очень взволновала, и он был намерен немедленно по возвращении в Петроград сделать подробный доклад об этом министру, но о своем намерении ничего не сказал Траутшольду, чтобы не расстраивать запретом его присутствия на заседании Особого совета. Однако Хорват счел необходимым предупредить Траутшольда. По мнению Хорвата, П. Л. Барк не стал бы воевать по этому поводу с А. Н. Хвостовым, так как сам был с нерусской фамилией [АВП РИ, ф. 143, оп. 491, д. 218, л. 409].

Однако эти сведения очень расстроили Траутшольда, который об этом искренне написал в МИД: «Я не скрою, что это известие меня страшно возмутило и расстроило, но не буду распространяться о тех нравственных мучениях, которые оно мне причинило. Всякий, кто знает, какой я горячий патриот и ненавистник немцев, посвятивший свою одинокую жизнь всецело службе Царю и Родине, это поймет. Единственная надежда, что мое начальство, знающее мои убеждения и мою деятельность, не даст меня в обиду. Бог знает, что на меня там наплели жандармы. Собственно говоря, я даже не вижу, к чему при всем желании они могли бы придаться, так как я, в отличие от Хорвата, всегда сторонник самых крутых мер по отношению к неприятельским подданным и лицам, заподозренным в сношениях с ними и никаких разногласий у меня на этой почве с жандармскими властями не возникало. Неужели же только то, что в деле Вишняковского я никак не мог согласиться вынести, так сказать, “смертный приговор” заслуженному инженеру, через голову его начальства, только за то, что он при проходе первых эшелонов с военнопленными слишком интересовался пленными австрияками. Впрочем, ведь косились же жандармы на меня, когда я летом объезжал свой округ, лесные концессии, с фотографическим аппаратом». Кроме того, по мнению Траутшольда, вопрос о выселении из пределов полосы отчуждения КВЖД неблагонадежных лиц нечего было вообще вносить в Особый совет, так как «по военным обстоятельствам право высылки таких лиц должно принадлежать главноначальствующему и нет надобности вмешивать в эти дела консула» [АВП РИ, ф. 143, оп. 491, д. 218, л. 410].

В итоге в декабре 1915 г. Д. Л. Хорват получил требование министра путей сообщения А. Ф. Трепова (1862–1916) предложить Вишняковскому самому подать в отставку. Однако управляющий КВЖД упорно отказывался изгонять с дороги сотрудников под влиянием эмоций и наговоров, считал, что это дело Правления КВЖД, так как Вишняковский являлся старшим агентом КВЖД и опытным сотрудником. Более того, Д. Л. Хорват был «очень обижен, что судьбу его служащего решают там, не спросив его отзыва, на основании каких-то непроверенных доносов», и вообще тем, что «должностные лица всевозможных ведомств считают себя вправе давать ему указания, делать ему замечания, нисколько не считаясь с международным положением Харбина, и склонны видеть бездействие власти и чуть ли не измену тогда, когда ввиду этого особого положения полосы отчуждения некоторые меры не осуществимы по аналогии в том объеме как во внутренних областях Империи» [АВП РИ, ф. 143, оп. 491, д. 218, л. 443].

В. В. Траутшольд, раздосадованный последними событиями, специально побеседовал об этом с прокурором Харбина А. В. Сульжиковым, в частности об интригах, которые вели против консула жандармы: «Разве я могу спокойно и откровенно работать вместе с людьми, о которых я знаю, что они под меня подкапываются, увлекаясь модным гонением против нерусских имен и фамилий». Он привел пример со своим выступлением в поддержку инженера Вишняковского, что послужило для жандармов поводом к жалобе на него за «германофильство». Сульжиков признал, что такое обвинение не имело под собой оснований и сообщил консулу «по секрету» о двух доносах на него, имевшихся у жандармов. В первом доносе Траутшольд обвинялся в антирусском поведении на благотворительном базаре в марте 1915 г., где якобы отказался платить деньги на нужды войны, а потом, швырнул ассигновку и крикнул: «нате вам на вашу нищую армию!» По словам самого Сульжикова, он не придал этой нелепой жалобе никакого значения, также как и не принял другого доноса, согласно которому, будто бы после взятия Варшавы Траутшольд «устроил по этому поводу торжество, на котором вместе со своими гостями кричал: «гох!» [АВП РИ, ф. 143, оп. 491, д. 218, л. 448]. Первый донос был написан заместителем

генерала Афанасьева Кокшаровым «должно быть, со слов жены, так как самого Кокшарова на базаре не было» [АВП РИ, ф. 143, оп. 491, д. 218, л. 449].

Сам Траутшольд так описывал этот случай: «под конец второго вечера базара я с генералом Булатовичем¹⁴ поздно засиделся за столиком, за которым прислуживали в качестве кельнерш мадемуазель Кокшарова и ее подруга (...). Первая в неделикатной форме выразила опасение, что мы уйдем, не заплатив за ужин. Это было обидно, и я решил в наказание подразнить ее, прикинувшись, что не понимаю, что от меня требуется. Барышня стала горячиться, и как только я заметил, что шутка заходит слишком далеко, и что на нас обращают внимание остававшиеся в зале немногие распорядители буфета с мадам Кокшаровой во главе, то я поспешил прекратить сцену и предложил барышне “сообщить” мирные условия, на которых она меня отпустит. Она сказала: “заплатите 20 рублей”, что я и сделал, передав ей деньги в руки (а не швырнув, конечно). Она поблагодарила, и мы с Булатовичем ушли. Я еще по дороге домой высказал ему свое возмущение, что в то время, как другие мои коллеги, комиссар таможи и высшие чины КВЖД обыкновенно отсутствуют на благотворительных вечерах, я всегда честно исполняю свой долг и охотно жертвую, несмотря на то, что и на этом базаре я оставил свыше 300 рублей, могут найтись люди, которые поверят, что я способен скрыться, не заплатив за ужин. Но никогда мне и в голову не приходило, что этому могут придать политическую окраску. Что касается вышеприведенной фразы, то, конечно, я ее никогда не произносил и произнести не мог, но я припоминаю, что когда говорил о “бедных солдатах”, какая-то пожилая дама за тем буфетом, но до вышеописанного инцидента сочла нужным прервать меня и раздраженным тоном заметить: что мне первому как русскому консулу должно быть известно, что русская армия не бедна, а богата. Я тогда не понимал, что все это значит и чем объяснить такой вызывающий тон по отношению к генеральному консулу, и только теперь ясно, что я тогда попал в компанию людей, которые не только отказывали мне в уважении, подобающем моему положению, но во что бы то ни стало хотели видеть во мне лишь “ренни-

¹⁴ Военный судья Приамурского военно-окружного суда генерал-майор С. К. Булатович (1866–?).

ковского героя Страны Чудес”¹⁵ и, придираясь к каждому моему слову и шагу, вызвать меня на скандал» [АВП РИ, ф. 143, оп. 491, д. 218, л. 449–451]. Сульжиков обещал уладить дело с жандармами, которые ему подчинялись и запретить им преследовать консула. Помощь Траутшольду обещал оказать и 1-й секретарь российской миссии в Китае В. В. Граве и «в случае надобности позволить мне прибегнуть к связям, которые он имеет в министерстве внутренних дел через своего брата и товарища министра Белецкого¹⁶ и которые дают ему возможность исхлопотать награды заслуживающим таковы» [АВП РИ, ф. 143, оп. 491, д. 218, л. 451].

Однако нападки на консула продолжились. В марте 1917 г. В. В. Траутшольд вынужден был покинуть Харбин из-за боязни расправы с ним уже революционно настроенными членами русской общины города, также выдвигавшими антигерманские лозунги и обвинявшими Траутшольда в германофильстве и шпионаже. [Нестерова 2022, с. 437] Он направился в Петроград, чтобы снять с себя эти подозрения. Затем был командирован на Гавайи для решения вопросов, возникших у русских эмигрантов в связи с репатриацией на родину. С его помощью около 500 человек получили возможность репатрироваться. После выполнения миссии на Гавайях, в 1918 г. работал в российском генконсульстве в Шанхае [Нестерова 2022, с. 18, Хохлов 2015, с. 21]. Впоследствии В. В. Траутшольд эмигрировал во Францию, где и скончался в 1937 г. в Ницце [Ausländer im vorrevolutionären Russland].

Таким образом, в среде русских подданных, проживавших в период Первой мировой войны в Китае, отражались все процессы, происходившие в Российской империи. Здесь, как и на Родине, распространились и были достаточно сильными антинемецкие настроения. Они подогревались как прессой, так и представителями местных российских властей, в частности жандармерии, и распространялись среди русского населения, не привыкшего разбираться в политических тонкостях.

¹⁵ Имеется в виду сатирический роман А. М. Ренникова (1882–1957) «В стране чудес: правда о прибалтийских немцах» [Ренников 1915]. В романе отразилось резкое неприятие автором немецкой нации.

¹⁶ Белецкий С. П. (1873–1918) — сенатор. С сентября 1915 г. по февраль 1916 г. был товарищем (заместителем) министра внутренних дел.

Антинемецкие настроения были сильны и в среде образованной и состоятельной части российского сообщества — консульских служащих, сотрудников российских предприятий и т. д. Это приводило к нарушению российского законодательства в отношении лиц, против которых выдвигались обвинения в германофильстве и шпионаже, влекло за собой их увольнение со службы, исключение из общественных организаций, накаляло обстановку на территории русских концессий, негативно влияло на репутацию российского сообщества, способствовало формированию откровенно националистических настроений и т. д.

Разумеется, имели место и исключения, когда подобные настроения не захватывали представителей российских властей и общества. Примером этого может служить стойкая и последовательная в отстаивании своего мнения позиция управляющего КВЖД генерала Д. Л. Хорвата. Однако, к сожалению, его мнение и мнения других адекватно настроенных россиян в Китае были подобны гласу вопиющего в пустыне, ибо, как справедливо отметил В. П. Булдаков, «в критические моменты в граждански недоразвитых обществах обычно разворачивается поиск, а затем следует “племенная” бестиаризация “главного” врага. На его происки можно списать всё что угодно и одновременно ощутить восторг самовозвышения» [Булдаков 2014, с. 84].

Российское общество, впрочем как и представители других европейских государств в Китае, показало печальный пример своей правовой и моральной отсталости, организуя демарши против германских и австрийских подданных, а также подозревая в шпионаже собственных граждан, не один год проживших с ними бок о бок и заслуживших положительную репутацию среди соотечественников.

Не проявилась в подобных настроениях и акциях и так называемая «европейская солидарность», еще недавно бывшая мощной силой в подавлении «боксерского восстания» и борьбе с «желтой угрозой». Последнее обстоятельство было выгодно Китаю, так как возродило надежды на возвращение независимости страны под грохот Европейской войны.

Архивы

АВП РИ — Архив внешней политики Российской империи

Источники и литература

Аксенов 2023 — *Аксенов В.* Война патриотизмов: Пропанганда и массовые настроения в России периода крушения империи. М.: Новое литературное обозрение, 2023.

Алишина 2016 — *Алишина Г. Н.* Антинемецкая кампания в годы Первой мировой войны в «Центре» и «На местах» Российской империи: реализация мер по борьбе с немецким засильем в Томской губернии // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 2 (40). С. 14–23.

Бахтурина 2020 — *Бахтурина А. Ю.* Выселение подданных Германии и Австро-Венгрии из прибалтийских губерний Российской империи в 1914 году // Новый исторический вестник. 2020. №3 (65). С. 6–23.

Бенингсгаузен-Будберг 1925 — *Бенингсгаузен-Будберг Р. А. фон.* Мемуары доктора медицины Р. А. Барона Бенингсгаузен-Будберг. Ч. 1. Харбин: Издательство Американской типографии, 1925.

Булдаков 2014 — *Булдаков В. П.* Первая мировая война и городское бунтарство в России: 1914–1916 гг. // Петербургский исторический журнал. 2014. № 2. С. 82–97.

Вишняков 2006 — *Вишняков О. В.* Пограничники в вооруженных конфликтах на Дальнем Востоке (конец XIX – начало XX в.) // Россия и АТР. 2006. № 4. С. 57–70.

Воробьева 2009 — *Воробьева Э. А.* Русско-японская война 1904–1905 гг. и общественное мнение Сибири и Дальнего Востока (по материалам ведущих местных периодических изданий). Автореферат диссертации на соискание степени кандидата исторических наук. Новосибирск, 2009. 24 с.

Гинце 2014 — *Гинце М. А.* Русская семья дома и в Маньчжурии: воспоминания М.А. Гинце. М.: Чтець, 2014. 428 с.

Газета «Новое время». 2015. 29 марта / 11 апреля. №14025. С. 5–6.

Казанцев 2012 — *Казанцев В. П.* Формирование административно-полицейской системы КВЖД (1896–1905) // Россия и АТР. 2012. № 3. С. 33–43.

Казанцев 2015 — *Казанцев В. П.* Гражданское управление арендованными территориями: полоса отчуждения КВЖД, Квантунская область. Автореферат диссертации на соискание степени доктора исторических наук. СПб., 2015.

Кириллов 2015 — *Кириллов В. М.* Современная отечественная историография кампании «Борьбы с немецким засильем» в годы Первой мировой войны // Вестник Пермского университета. Серия: История. № 2 (29). 2015. С. 88–97.

Киселев 2015 — *Киселев Д. В.* «Подозрительные немцы»: агенты и военнопленные Центральных держав в Маньчжурии в годы Первой мировой войны // Россия и АТР. 2015. №2 (88). С. 121–138.

Кротт 2018 — *Кротт И. И.* Реализация мер по борьбе с «немецким засильем»: немецкие предпринимательские хозяйства Западной Сибири в годы Первой мировой войны // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 430. С. 86–92.

Куликова 2007 — *Куликова Н. В.* Политико-правовые нормы пребывания россиян на территории Маньчжурии (конец XIX–начало XX в.) // Россия и АТР. 2007. №. 3. С. 73. Сс. 67-74.

Лор 2012 — *Лор Э.* Русский национализм и Российская империя: кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

Нестерова 2022 — *Нестерова Е. И.* Российский генеральный консул в Тяньцзине Петр Генрихович Тидеман: жизнь в Китае и после эмиграции / Восточные ветви российской диаспоры. Том 5. Из прошлого в настоящее: коллективная монография. М.: ИВ РАН, 2022. С. 424–439.

Нестерова 2022 — *Нестерова Е. И.* Сотрудники российского генерального консульства в Харбине в эмиграции: люди и судьбы // 13-я межинститутская научная конференция «Восточные ветви российской диаспоры». Тезисы докладов М.: ИВ РАН, 2022. URL: https://www.ivran.ru/sites/28/files/13-ia_konferentsiia.pdf?ysclid=lk88mg9sw1246268047 (дата обращения 01.09.2023).

Новое уголовное уложение 1903 — Новое уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. с приложением предметного алфавитного указателя. СПб.: Издание Каменноостровского юридического книжного магазина В. П. Анисимова, 1903.

Ратманов, Лю, Чжан, Чурилов 2019 — *Ратманов П. Э., Янь Лю, Фэнминь Чжан, Чурилов Л. П.* Балтийский врач в Харбине: барон Р. А. Будберг — медик, биолог, реалист, мистик и мечтатель // Социология и технология науки. 2019. Вып. 10. № 1. С. 47–63.

Ренников 1915 — *Ренников А.* В стране чудес. Правда о прибалтийских немцах. Петроград: Типография Товарищества А. С. Суворина «Новое время», 1915.

Савинова 2007 — *Савинова Н. В.* Антинемецкие настроения населения Российской империи в 1914-1917 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2007. № 2. С. 179–186.

Синиченко, Белозерцев 2022 — *Синиченко В. В., Белозерцев С. М.* Дело американского консула Мозера 1915 г. в свете ранее не опубликованных документов из фондов Государственного архива Иркутской области // Вестник архивиста. 2022. № 4. С. 1212–1221.

Хисамутдинов 2021 — *Хисамутдинов А. А.* В.К. Арсеньев и близкие ему люди: Портрет эпохи (К 150-летию со дня рождения ученого и путешественника). Владивосток: Дальнаука, 2021. С. 325–331.

Хохлов 2015 — *Хохлов А. Н.* Политика России в отношении китайских иммигрантов в период Первой мировой войны // Российская история. 2015. № 3. С. 15–29.

Шулатов 2014 — *Шулатов Я. А.* Борьба с германским шпионажем на Дальнем Востоке во время первой мировой войны: российско-японское сотрудничество // Россия и АТР. 2014. № 2 (84). С. 33–51.

Ausländer im vorrevolutionären Russland — Ausländer im vorrevolutionären Russland // Erik-Amburger-Datenbank - Datensatz anzeigen (ios-regensburg.de) <https://amburger.ios-regensburg.de/index.php?id=47571> (дата обращения 19.07.2023).

Bailey 1984 — *Charles E. Bailey* The British Protestant Theologians in the First World War: Germanophobia Unleashed // Harvard Theological Review, Vol. 77. Iss. 2. April 1984. P. 195–221.

Gamsa 2010 — *Gamsa M.* China as Seen and Imagined by Roger Baron Budberg, a Baltic Physician in Manchuria // Eastwards: Western Views on East Asian Culture. Bern: Peter Lang, 2010. P. 23–35.

Gamsa 2006 — *Gamsa M.* The Epidemic of Pneumonic Plague in Manchuria 1910–1911 // Past Present. 2006. Vol. 190. № 1. P. 147–183.

Gamsa 2012 — *Gamsa M.* Letters from Harbin // Acta Univ. Latv. 2012. Vol. 779. P. 27–38;

Germans as Minorities 2014 — Germans as Minorities during the First World War: A Global Comparative Perspective / Ed. Panayi P. Abingdon: Routledge, 1st edition, 2014.

Kennedy 1980 — *Kennedy P.* The Rise of the Anglo-German Antagonism, 1860-1914. Winchester, Mass.: Allen & Unwin. 1980.

DeWitt 2012 — *DeWitt P.* Degrees of Allegiance: Harassment and Loyalty in Missouri's German-American Community during World War I. Law, Society, and Politics in the Midwest Series. Athens: Ohio University Press, 2012.

Rüger 2011 — *Rüger J.* Revisiting the Anglo-German Antagonism // *Journal of Modern History*. Vol. 83. Number 3. September. 2011. P. 579–617.